

Вот уже более 30 лет все говорят об Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) как регионе XXI века. Парадоксальным, однако, является то, что никто не может точно сказать, какие же страны входят в АТР, и таким образом, совершенно непонятно, как подсчитывается общий экономический потенциал региона, которому принадлежит будущее. Достаточно просто просмотреть работы ученых США, Канады, Австралии, Германии, Японии, КНР, Южной Кореи, России – приверженцев этой концепции, чтобы убедиться, насколько велик разброс мнений относительно стран, входящих в АТР. От 12 до 61! Причем проблема не только в странах, но и в целых подрегионах. На мой взгляд, авторы, пытавшиеся “по-научному” определить границы региона, потерпели неудачу.

Такой результат естественен, поскольку, как я считаю, ни в прошлом, ни в настоящем, ни в XXI веке АТР не было, нет и не будет. А теперь постараюсь объяснить - почему.

Для начала торжественно объявляю: XXI век будет веком Европейско-Азиатского региона (ЕАР). На эту тенденцию работают такие факторы: общий объем торговли стран Западной Европы только с государствами Северо-Восточной Азии (398 миллиардов долларов в 1995 году) превзошел их торговлю с Северной Америкой на 73 миллиарда. Инвестиции европейских стран в Азии растут более быстрыми темпами, чем в других частях земного шара. За период с 1976 по 1991 го ЕЭС, например, направило 32 миллиарда долларов на проекты развития Азии, то есть по данному показателю Европа отстает только от Японии, опережая США.

Если даже взять одну только Германию, то окажется, что доля стран Восточной Азии в общей торговле этого государства в 1995 году составляла в экспорте 11,3 процента, а в импорте – 14,4, в то время как доля Северной Америки была равна, соответственно, 8,24 и 7,08 процента.

Такого же порядка цифры можно обнаружить и у других крупных государств Европы. Неуклонно возрастает и доля самой Западной Европы в торговле азиатских стран, превосходя зачастую по этому показателю все ту же Северную Америку. В частности, доля Европы в импорте Гонконга в 1995 году была равна 12,1 процента, а Северной Америки – 8,4. Индонезии, соответственно, 23,2 и 10,7.

Таким образом, в мире возникает регион с населением почти в два миллиарда человек и общим экономическим потенциалом, приблизительно в два раза превосходящим потенциал Северной Америки.

Если же принять во внимание тот очевидный факт, что Россия является мостом между Европой и Азией на одной части земного шара, а США - аналогичным мостом на другой его части, то можно смело утверждать, что XXI век станет веком Американско-Европейско-Азиатского региона (АЕАР) с общим ВВП и населением, значительно превосходящим совокупный ВВП и население стран ... Африки и Латинской Америки вместе взятых!

...Любой здравомыслящий читатель воскликнет: что за чушь!? Абсурд какой-то. И будет прав, если бы не одно большое НО. Именно эти самые “аргументы” приводят в пользу возникновения АТР.

Тихоокеанская эра

О значении Тихого океана начали говорить где-то с середины XIX века. Причем, первым оракулом следует признать Карла Маркса, который еще в 1857 году, писал, что Тихий океан “будет играть такую же роль, какую теперь играет Атлантический океан, а в древности и в средние века Средиземное море, – роль великого водного пути для мировых сношений”. Затем наступает череда аналогичных предсказаний американских ученых, а также политиков, вызванных конкретной деятельностью США на Тихом океане. Наиболее цитируемой является высказывание президента Теодора Рузвельта, который после аннексии Филиппин в 1898 году говорил: “Атлантическая эра... вскоре исчерпает собственные ресурсы”, и “уже на восходе Тихоокеанская эра, уготовленная судьбой стать самой великой”.

В XX веке вплоть до середины 70-годов аналогичных высказываний, а также книг, посвященных Тихому океану, было предостаточно, что неудивительно, поскольку именно там разгорались события исторического масштаба. Шла натуральная классическая борьба за сферы влияния в этом регионе, прежде всего между США, Японией и Советским Союзом.

Миф о Тихом океане начал складываться с конца 70-х годов, когда на мир обрушился поток литературы (научной и особенно околонучной), возвестившей закат Европы и расцвет АТР, которому, как полагают, принадлежит будущее в XXI веке. В этой литературе Тихий океан четко отделялся как некая экономическая и политическая целостность от остальных регионов мира, особенно от Западной Европы. Причем не

просто отделялся, но и противопоставлялся Атлантическому океану с постоянным подчеркиванием превосходства первого над вторым.

Весьма известный ученый и политический деятель Японии Сабура Окита в своей последней прогностической книге писал: “В мире формируется понимание того, что XXI век будет азиатско-тихоокеанским веком”. В подтверждение данной мысли написаны сотни, если не тысячи книг.

Что же побуждает ученых и политиков выделять АТР из других регионов мира и формулировать концепцию его процветающего будущего? Правда, надо иметь в виду, что поначалу более распространенными названиями региона были: Тихоокеанский бассейн, Тихоокеанское кольцо, Тихоокеанское сообщество. Аббревиатура АТР на официальном уровне стала использоваться позднее. Тем не менее все эти словосочетания практически употреблялись как синонимы. Дело, в конце концов, было не в них. Важно было убедить мировую общественность в уникальности Тихоокеанского региона и тем самым обозначить вектор тех существенных военно-политических и экономических изменений, которые происходят в расстановке сил между ведущими державами мира.

Я здесь не касаюсь военно-политических обстоятельств, способствовавших возникновению мифа. Они играли в свое время даже более важную роль, чем экономические. Но поскольку их значение ныне улетучилось, остановлюсь на экономических аспектах.

В доказательство растущей значимости этого региона в мировой политике вот уже в течение последних трех десятилетий приводится ряд статистических показателей, аналогичных упомянутым мною выше. Почему-то особый упор делается на совокупный экономический потенциал региона. Так, один автор считает, что объем промышленной продукции тихоокеанских стран составляет 60 процентов общемирового объема. Другой оценивает его в 50, третий называет цифру в 55, ...сотый вновь говорит о 60 процентах. В одной из канадских газет по случаю конференции АПЕК в Сиэтле (ноябрь 1993 года) писалось, что в АТР “совокупное население равно двум миллиардам, то есть составляет почти одну треть жителей земного шара. Совокупная экономика (сложенная из ВНП) достигает 14 триллионов долларов, что в два раза превосходит экономику Европейского сообщества”.

Во всех случаях, естественно, фигурируют США, на которые приходится шесть триллионов долларов, но почему-то не учитывается ВВП России, хотя она, если следовать логике калькуляторов, вроде бы тоже входит в АТР. В таком же ключе показывается совокупный объем торговли “стран АТР”, а также интенсивность внутрирегиональной торговли. Последняя призвана как бы продемонстрировать плотность торговой кооперации в регионе. Существует масса статистических трюков для демонстрации “значимости” АТР, на которых поднаторели АТР-говоруньи, как их называет один из американских ученых.

На самом деле все эти цифры абсолютно ни о чем не говорят. Достаточно посмотреть на карту, как мы обнаружим, что США и Канада, между прочим, обращены и в сторону Атлантического океана и таким образом являются субъектами Европейско-Атлантического региона (ЕАТР). Если бы мы придерживались проатлантической позиции, то могли бы утверждать, что совокупный экономический потенциал ЕАТР равен 13,7 триллиона долларов, а АТР – всего лишь 6,5 триллиона. Аналогичные вещи произойдут с долями в торговле. Более того, “торговая” логика привела бы нас к тому, с чего я и начал эту статью, а именно, что и Западная Европа является частью АТР, поскольку ее торговля с США, Японией, Канадой, странами АСЕАН, Россией - как с государствами АТР - значительно превосходит ее торговлю с Африкой и Атлантической Латинской Америкой. И уж во всяком случае значительно превосходит торговлю члена АТР Индии с другими странами АТР. И если следовать подобной логике, окажется, что почти все страны мира находятся в АТР, что, естественно, абсурдно.

Кстати сказать, российская статистика, когда показывает торговлю со странами АТР, неизменно указывает Индию, которая, как известно, омывается Индийским океаном. Между прочим, некоторые индийские ученые выдвигают идею выделения Азиатско-Индийского региона, состоящего из Южно-Африканского региона, стран Персидского залива, Южной Азии, ЮВА и Австралии, поскольку все они так или иначе “выходят” на Индийский океан. Но этот регион имеет столько же оснований для выделения, как и АТР.

Надо ли огород городить?

Я перелопатил около 400 книг и статей по АТР. Из них где-то в 50-ти авторы оговаривают границы этого региона, причем большинство из них без всяких объяснений. Некоторые эксперты говорят об АТР как регионе, который состоит из

стран США, ЮВА, Океании (около 20) и стран Южной Азии. Другие включают в него только азиатские страны, выходящие на Тихий океан. Третьи учитывают еще и страны Тихоокеанской Латинской Америки, а также Центральной Америки и т.д. и т.п. В итоге, как уже отмечалось выше, самые скупые называют 12 стран, а самые щедрые – 61 государство, из которых, дескать, состоит АТР.

Хотелось бы знать, как можно подсчитывать потенциал региона, не зная его границ, и говорить о нем, как о регионе будущего? Я не называю фамилии ученых, поскольку не-специалисты их вряд ли знают. Умышленно не привожу имена и российских ученых (они включают в АТР от 22 до 50 государств), поскольку их работы, за редким исключением, представляют обычно пересказ книг и статей американских международников. Было бы с кого “списывать”, учитывая, что из многочисленных авторов на всю Северную Америку может быть найдется, на мой взгляд, всего 5-6 достойных ученых. Остальные - в лучшем случае на уровне младшего научного сотрудника какого-нибудь провинциального института.

Короче, с АТР ничего не получается.

Безуспешные попытки найти ответ на неизбежно возникающие вопросы породили сомнения у некоторых специалистов в необходимости определить сам термин. Какая разница, в конце концов, как называется регион, полагают они: АТР, Тихоокеанский бассейн, Дальний Восток, просто Азия? Если бы дело было только в термине, не было бы смысла городить огород. Но дело именно в содержании термина, в том, что стоит за ним. А стоит за ним политика и много-много денег.

Конечно, для простого предпринимателя, например, канадской провинции Британская Колумбия, участвующего в экономическом сотрудничестве, скажем, с Китаем или Южной Кореей, в принципе не имеет значения, что скрывается за термином АТР. Он вовлечен в бизнес с конкретной страной. Но с точки зрения стратегии того же бизнесмена ему уже не безразлично, в какой экономической зоне находится конкретная страна, он вынужден задумываться над тем, как рынки той же Южной Кореи и Китая связаны между собой, а также с рынками других стран. Насколько эти рынки открыты или закрыты, каковы принципы их взаимодействия как между собой, так и с рынками других экономических блоков или зон. И вообще, существуют ли таковые? Не случайно тот же предприниматель концентрируется на “драконах” и Китае, а не осуществляет свою коммерцию, например в Тувалу или Ниуэ, тоже входящих в АТР. Он понимает или чувствует не только узость рынков последних, но и их изолированность, а также удаленность от рынков других зон необъятного АТР.

Для транснациональных компаний подобные расчеты являются вопросами их будущего, кардинально влияя на тактику и стратегию. Одно дело быть связанным со страной, входящей в Общий рынок. Другое - иметь дело с государством, находящимся вне интеграционной зоны. В таком случае избирается совершенно иная стратегия. И, наконец, особая стратегия вырабатывается при сотрудничестве со страной, вокруг которой может сформироваться какая-то экономическая целостность, или она станет потенциальным участником такой целостности.

Даже не задаваясь вопросом, что такое АТР, руководители подобных компаний чувствуют, куда надо вкладывать деньги. Опять же не случайно упор делается на страны Северо-Восточной Азии (СВА), а не на страны, например Тихоокеанской Латинской Америки (ТЛА), не говоря уже об Океании. Внутренний инстинкт их не подводит.

Следовательно, научное обоснование какого-то термина, в нашем случае АТР, то есть превращение его в понятие, имеет крайне важное практическое преломление и в принципе помогает определять стратегию поведения международных экономических субъектов.

В меньшей степени к определению региона побуждает внешнеполитическая практика государств, поставивших себе задачу усилить свои позиции в том или ином районе земного шара.

Казалось бы азбучная истина: чтобы проводить региональную политику, надо, как минимум, знать границы региона, поскольку каждый из них обладает своей спецификой и своеобразием. Очевидно, к примеру, что проблемы американо-мексиканских отношений вряд ли очень сильно волнуют МНР или Вьетнам. Думается, что столь же толерантно Чили или Никарагуа относятся к проблеме безопасности на Корейском полуострове. Предполагаю, что конфликты между Индией и Шри-Ланка не являются актуальной темой для внешней политики Австралии или Новой Зеландии. Подозреваю, что изменение обстановки в районе Персидского залива вряд ли отразилось бы на внешней политике Вануату, Науру или Кирибати. Несмотря на это, все они включены в регион, с чьей-то легкой руки названным Азиатско-Тихоокеанским.

Абстракции хороши в научном анализе, политика требует конкретики.

Показательным примером неудач политики в Восточной Азии и на Тихом океане может служить СССР. В немалой степени они были связаны с непониманием специфики региона, в частности его границ. Масса инициатив, заложенных в речах М. Горбачева во Владивостоке и в Красноярске, не были реализованы из-за нечеткости адресатов. Они были направлены как бы всем странам АТР. Но даже такая на тот момент горячая проблема, как Афганистан, совершенно не могла интересовать Ниуэ или Панаму. А проблема безъядерных зон в Южной части Тихого океана или в районе стран АСЕАН, наоборот, не волновала Афганистан или две Кореи. Одним словом, размытость представлений о регионе воплощалась в размытой политике с соответствующими результатами. К сожалению, и нынешняя Россия страдает тем же недостатком.

Другим просчетом, в какой-то степени связанным с первым, была реакция на концепцию Тихоокеанского сообщества, пропагандируемую Японией, Австралией и Канадой с начала 80-х годов, а несколько позднее и США. Главная ошибка заключалась в том, что в СССР практически все политики и ученые, втянутые в процесс формирования решений по дальневосточным проблемам, поверили в возможность создания такого сообщества. И совершенно серьезно стали воспринимать несуществующую организацию в качестве Восточного фронта НАТО против СССР. При этом как-то игнорировалось, что данная концепция, хотя и была основательно идеологизирована и действительно была нацелена против социалистических стран Азии, не могла быть реализована на практике из-за множества причин, в том числе из-за невозможности определить границы этого сообщества.

Но важен факт: СССР клюнул на миф о Тихоокеанском сообществе. Сейчас трудно судить о том, осознавали ли творцы концепции ее мифичность или нет, но при любых вариантах Тихоокеанская “селедка” сумела отвлечь внимание русских от более серьезных проблем на Дальнем Востоке.

Кстати сказать, хорошо разрекламированный миф сам становится фактором политики, с которым сражаются наивные государственные мужи, как честный Дон Кихот – с ветряными мельницами. Между прочим, аналогичным для СССР был также и миф о возможности японо-китайского военно-политического альянса, миф, сконструированный собственными политиками после подписания Японией и КНР договора о мире и дружбе в 1978 году. Чем меньше в политике науки, тем больше в ней мифов.

Как определить регион?

Для ученых всегда существовала проблема выбора метода и критериев для выделения некоего целостного явления в мировой политике и экономике. Даже, казалась бы, такая на первый взгляд простая вещь, как определение географических границ регионов, вызывала немалые затруднения. Известный американский политолог Брюс М. Рассет в этой связи в одной из своих работ приводит шутку французов: *L' Afrique commence aux Pyrenees* (Африка начинается с Пиренеев). Существует проблема и с самими географическими названиями. Мы, в частности, употребляем термины ЮВА и СВА. По отношению друг к другу эти термины вроде бы логичны. Но если исходить из того, что первый регион практически полностью расположен севернее экватора, то тогда, к примеру, Филиппины, Малайзия, Таиланд и страны Индокитая оказываются как бы в СВА. И так без конца до тех пор, пока мы не определимся в терминах.

Разрешить эту проблему можно, опираясь на метод системного подхода.

Я прекрасно понимаю, что специфика журнала ограничивает меня в изложении сути этого метода, поэтому сошлюсь только на одну цитату Гегеля. Хотя она не проста для понимания (“мы диалектику учили не по Гегелю”), но все же привожу ее, чтобы читатель смог насладиться: “Части как нечто пребывающее вне отношения суть лишь простые материи и в этом смысле не суть части. Как части они получают свое определение только внутри целого, и только целое делает их частями, с другой же стороны, только части составляют целое”. Эта дефиниция является одним из ключевых положений системного подхода.

Чтобы понять эту фразу Гегеля, можно привести простой пример. Мужчина и женщина, вступая в брак, становятся мужем и женой как части целого, которое называется семьей. Вне семьи они не есть части, а простые “материи”, то есть мужчина и женщина. Но только семья их делает мужем и женой, то есть частями целого — семьи. С другой стороны, только части: муж и жена составляют целое — семью.

Далее я пропускаю промежуточные звенья, соединяющие эту идею с системами в международных отношениях, и перехожу к идее экономической интеграции, которая и определяет целостность региона.

Между прочим, многие ученые как раз ссылаются на экономическую интеграцию в АТР, которая и делает, дескать, этот регион целостным. В этой связи указывается на расширение торговли в АТР и подчеркивается, что, например, объем торговли США-АТР превосходит объем торговли США-Европа. Это дает им основание говорить о том, что регион экономически интегрирован. В их понимании, торговля, “движение товаров” и есть экономическая интеграция. Они серьезно заблуждаются.

Для начала напомним, что само слово *integratio* в переводе с латинского языка означает восстановление, восполнение, *integrare* - превращать в целое, *integer* - целое. От него же отпочковались слова “интекативность”, “интегрант”, “интегратор”. Видно, что само слово генетически связано с системным подходом.

Определений понятия “интеграция” у западных ученых великое множество, но все они страдают отсутствием диалектической связи между явлениями, взаимодействующими в процессе интеграции. В этом смысле наиболее удачно разобрано данное понятие у российского ученого А.Д.Бородаевского. В обобщенном виде оно определяется так: **экономическая интеграция – это высшая форма интернационализации хозяйственной жизни, достигаемая в процессе соединения различных национальных экономик в единый хозяйственный комплекс, отличающийся своей специфической институциональной структурой и функционирующий на базе согласованной экономической политики как на межгосударственной, так и на наднациональной основе.**

Интеграционное “соединение” имеет различные фазы развития: растущая экономическая взаимозависимость государств перерастает во взаимопроникновение их экономик, что ведет к переплетению и, наконец, к сращиванию национальных воспроизводственных процессов. Причем их сращивание должно доходить до такой степени взаимозависимости и взаимодополняемости, что ущерб для одной части этого комплекса означал бы ущерб для всего комплекса. Такого типа интеграция похожа на стратегическую систему, известную под названием ВГУ (взаимно-гарантированное уничтожение). На практике такая интеграция реализована только в рамках Общего рынка и во взаимоотношениях между США и Канадой, в какой-то степени, между США и Японией.

Интернационализация (экономическая) – это объективный процесс глобального экономического взаимодействия, главным образом, в сфере торговли всех со

всеми. Следовательно, он скорее стихийен, чем управляем, а потому не институционализирован.

Фактически все концепции АТР или Тихоокеанского века построены на экономических данных, отражающих именно интернационализацию мирового хозяйства, протекающую в сфере торговли, движения капиталов и финансов.

Соотношение интернационализации с интеграцией выглядит следующим образом.

Интеграция, возникшая на почве интернационализации как ее высшая форма, начинает свою жизнь не в рамках сосуществования с тем основанием, из которого она произошла, а по принципу борьбы с ним. Здесь напрашивается прямая аналогия взаимоотношений между монополиями и рынком. Если интернационализация как объективный процесс расширяет свои географические границы, то интеграция, наоборот, сужает их, существенно наращивая его интенсивность и глубину. Интеграция, таким образом, выступает в качестве антагониста не только доинтеграционных форм хозяйствования, но и самой интернационализации. Диалектика же состоит в том, что интернационализация и интеграция не могут существовать друг без друга, однако их существование протекает как объективно противоречивое взаимодействие. Причем, интеграция разъединяет хозяйственные пространства не только между разнотипными экономическими системами, как это было в период конфронтации между “социализмом” и капитализмом (в Европе: ЕЭС - СЭВ), но и между однотипными системами.

Подобное проявление интеграционного процесса объясняется тем, что если интернационализация отражает объективный ход развития мировой экономики, то интеграция являет собой объективно-субъективный процесс, в котором субъективный фактор нередко играет более существенную роль, чем фактор объективный. Не случайно говорят об интеграционной политике и никогда о политике интернационализации. А раз так, раз политика, значит управление, значит выбор партнеров, в котором учитываются параметрические свойства объектов: их союзническая принадлежность, их интересы, мощь и сила.

Исходя из сказанного, следует, что экономические отношения между странами так называемого АТР не являются интегрированными, а многие из них вообще находятся одновременно в различных географических зонах. Более того, даже исходя из менее жестких требований к интеграции, взяв, например, торговые доли некоторых

подрегионов и стран, а также их незначительные весовые категории (определяемые, в частности, через ВВП), следует признать, что Южная Азия, страны Океании, Индокитай, страны Тихоокеанской Латинской Америки, Россия, КНДР и Монголия не являются субъектами интеграционного процесса. Мой анализ привел меня к выводу о том, что и Канада с Австралией и Новой Зеландией пока не включены в интеграционные процессы. Канада фактически на 80 процентов связана с экономикой США и входит в другой экономический блок – НАФТА (Североамериканский договор по свободной торговле).

Что же остается?

В пребывающем еще аморфном регионе существует несколько групп стран Восточной Азии. Кто следит за экономической ситуацией в АТР, тот и без детальных цифр знает, что в реальности вся торгово-экономическая деятельность “закручена” именно в подсистеме США-Япония-СВА-АСЕАН. Основанием для выделения их в подсистему являются высокие доли взаимной торговли (от 10 до 30 процентов), активное движение капиталов и финансов, формирование общих экономических комплексов.

Может возникнуть ехидный вопрос — каким образом сюда, в Восточную Азию, попали США, а Канада, например, нет. Надо иметь в виду, что США - глобальная держава, она находится везде, независимо от географии. Этот постулат, отражающий реальность, которую можно проиллюстрировать на простом примере. Вы можете ночью прочесть рекламу Макдональдса только при зажженных неоновых лампочках. При потушенных вы букв не видите. То есть свет не является частью системы лампочек, составляющих буквы, и обе они не части единого целого. Но без света эта система, то есть логическое и лингвистическое строения текста, также работать не будет. Получается, что свет - это как бы невидимая часть разбираемой системы. Точно так же, как и душа – невидимая часть тела: и есть, и нет. Если исходить из этих сравнений, то США являются тем самым светом или душой стран Восточной Азии, дающими экономическую жизнь многим телам-субъектам. Не забывая, естественно, и про свое телище. Географически США там нет, физически, точнее экономически, они там. Таким образом научно решается вопрос об одном из “углов” четырехугольной подсистемы. Что касается других “углов”, то надо иметь в виду следующее.

СВА в экономическом смысле я определяю как зону государств, входящих в экономическое пространство материкового Китая, поскольку Гонконг уже стал частью КНР, а Тайвань воссоединится с матерью-родиной рано или поздно. Япония

выделяется из СВА по причине ее экономической глобальности, делающей ее одним из экономических центров мира. Наоборот, Корею я сохраняю в СВА не только из-за географии, но и потому что она, объединенная или разъединенная, в силу многих причин будет в большей степени тяготеть к Китаю, нежели к Японии.

Здесь необходимо указать еще на одну вещь: любая интеграция является системой, но не любая система интегрирована. Другими словами, подсистема США–Япония–СВА–АСЕАН в Восточной Азии хотя и существует, но не является интегрированной. Наметилась только тенденция к ее интеграции. Эта подсистема имеет лишь потенциал быть интегрированной. Вопрос заключается в том: есть ли какие-либо серьезные факторы в пользу того, что этот потенциал будет реализован?

* * *

Итак, из всего вышесказанного напрашиваются два вывода. Первый - в мире не было, нет и не будет целостного региона под названием АТР, а есть миф, кормящий не одну сотню ученых, журналистов, политиков и бизнесменов. Второй – в районе Восточной Азии с середины 80-х годов начала складываться экономическая подсистема США–Япония–СВА–АСЕАН, представляющая один из мировых центров экономического взаимодействия, который имеет объективные экономические возможности превратиться в интеграционное сообщество, если этому процессу не воспрепятствуют политико-стратегические и цивилизационные противоречия. Этим темам будут посвящены последующие статьи.

Олег Арин

“Азия и Африка сегодня”, 1998, № 1